

Я (не) твоя,

ГОРЕЦ

ИРА
ДАЛИНСКИ

18+

Ира Далински

Я (не) твоя, горец!

<https://litres.ru/74423948>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я никогда не стану тебе женой, ясно?! – с ненавистью шиплю я, смотря на роскошно заправленную кровать для первой брачной ночи с этим монстром.

– Сегодня я не буду тебя трогать, Алия. Понимаю, ты очень устала от произошедшего.

Затем он пятерней грубо хватает меня за щёки и метая молнии в глазах, обещает.

– Но только сегодня. С завтрашнего дня мы закрепим этот брак в постели! И ты безвылазно будешь утолять мой трёхлетний голод по тебе.

Моей беззаботной жизни пришёл конец, когда брат украл девушку из влиятельного рода. Теперь по законам гор – чтобы избежать крови – я должна войти невестой в их семью в знак расплаты. Девушка за девушку.

Но я никогда не хотела становиться женой Саида! Слишком хорошо помнила его наглые глаза и горячие речи, которые преследовали меня столько лет.

Вас ждет:

- вынужденный брак, сомнительное согласие, без насилия

- сложный (влюбленный) герой
- нежная героиня (немного остра на язык)
- чуть-чуть жести

Всепременный ХЭ без розовых соплей

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Я (не) твоя, горец!

Глава

Пролог

Слабый свет люстры мягко озаряет спальню, выдержанную в классическом стиле, как и весь этот огромный и чужой для меня дом. Приоткрытая дверь балкона впускает свежий воздух, но мне всё равно не хватает кислорода. И дело не в тугом корсете на свадебном платье.

Стены будто сжимаются, дыхание прерывается, а в груди затаился тяжёлый комок страха.

На мне роскошное платье цвета слоновой кости. Изящный атлас плотно облегает талию, спускаясь вниз плавными линиями, образуя подол как хвост русалки; пышные рукава закрывают плечи и руки до локтей, а дальше струятся как белые крылья.

Русые волосы уложены в объёмную распущенную волну словно у принцессы из сказки. Красивой. И бесконечно несчастной.

Мой взгляд прикован к кровати – к единственному предмету в комнате, от которого стынет кровь. Роскошное убранство, дорогие ткани... Всё это вызывает лишь отвращение. Мысль о том, что сегодня я буду спать здесь, рядом с ним, пронзает ледяным ужасом.

– Ты помнишь тот день? – раздаётся за спиной мужской голос, сопровождаемый тяжёлыми шагами.

Я вздрагиваю, медленно оборачиваюсь к нему корпусом.

Перед глазами – человек, ставший сегодня моим мужем.

Слова не идут с языка, тело измучено, силы на исходе. Зачем судьба так жестока? Почему я должна стать женой того, кого не хочет сердце? Почему я должна расплачиваться за чужие ошибки?

– Помнишь, что сказала мне три года назад? – Саид приближается, голос звучит обманчиво мягко, но в нём слышна неприкрытая ненависть.

Я столько раз отказывала ему...

Мы стоим на расстоянии вытянутой руки. Заставляю себя смотреть ему в лицо, скрывая страх за маской.

Его чёрные глаза изучают меня с надменным выражением; жёсткие губы, скрытые за тёмной бородой, с презрением поднимаются:

– Хочешь, помогу вспомнить?

Он делает еще шаг вперёд.

Я опускаю взгляд, цепляясь за его костюм. Саид заполняет собой всё пространство, и только сейчас я осознаю масштаб беды.

Саид...

Он огромен.

Великан рядом со мной.

Род Булатовых всегда отличался крепким телосложением и хорошим ростом. Даже женщины.

Тело предательски дрожит. Я пытаюсь взять себя в руки, но каждый взгляд на него зажигает внутри огонь паники.

Я едва достаю Саиду до плеч. Этот человек сделал меня своей женой из мести, из-за прошлого. Что ждёт меня дальше? Смогу ли я защититься в вынужденном браке?

Его стальной взгляд и глубокий голос не сулят ничего доброго.

– «Я никогда не выйду за тебя, Саид. Ты мне не ровня», – произносит он, копируя мои слова тогда.

Я замираю, понимая, что он запомнил всё до последнего слога.

Мне некуда скрыться от его враждебности.

– Слова избалованной девчонки ничего не значат, Алия, хоть ты и растоптала мою гордость. Не смотря на свой статус, я трудился, чтобы доказать в первую очередь себе свою ценность. А теперь посмотри на себя, – он разводит руки в стороны, взглядом скользит по мне с головы до пят. – Ты говорила, что я тебе не ровня, но сейчас ты в моём доме, в моей спальне, в свадебном платье, которое я этой ночью сниму с тебя, – Саид наклоняется ближе, и от его голоса по спине бегут мурашки. – Скажи, *моя сероглазка*, я всё ещё недостойн тебя?

Сероглазка...

Только он так называл меня за цвет глаз. Только ему можно.

У меня нет ответа. В другой день я нашла бы слова, но не сегодня. Всё, что он скажет, будет правдой – моя жизнь теперь в его руках. Я – его пленница.

– Это было три года назад. Я... просто пошутила, – едва слышно произношу, вспоминая день, который превратил этого человека в одержимого монстра.

– Ты всегда была такой, – он протягивает руку, касается моей щеки. По коже бегут мелкие электрические разряды. – Алия, – большой палец медленно скользит по моему подбородку. – Красивая, как ангел, и чертовка внутри.

Саид резко отводит руку, и кожа горит там, где были его пальцы.

– Ты совсем меня не знаешь, зачем так говорить...?

– О, я знаю, кто ты, – скалится он, вновь пробегаясь по мне, но уже без той искры. – Теперь ты моя жена. Ты – Алия, принадлежишь мне – Саиду Булатову. Нравится тебе или нет, но ты моя до конца наших с тобой дней. Только смерть разлучит нас.

Меня охватывает дрожь. Сдерживая слёзы, я смотрю на кровать, без труда представляя в голове, чем все кончится этой ночью.

Саид замечает мой взгляд, поворачивает голову следом.

Я умру, если он возьмет меня насильно.

Словно услышав мои мысли, мужчина усмехается, а меня злит моё положение и его вседозволенность.

– Я тебе жена только на бумаге! – с ненавистью шепчу я.

Ухмылка Саида гаснет, в глазах вспыхивает опасный огонь. Одним движением он прижимает меня к себе, схватив за талию.

Я не успеваю опомниться, как Саид задаёт унижительный вопрос:

– Ты ещё невинна?

Вспыхиваю, толкаю его в грудь, пытаюсь вырваться, но мои усилия против него тщетны.

– Понимаешь, о чём я?

Он игнорирует мои попытки освободиться, и это, кажется, лишь распаляет его. Пробуждает охоту на жертву.

Я все понимаю.

Ему важно знать, была ли у меня связь с кем-то до свадьбы.

Как ему вообще в голову пришло спрашивать такое у меня? У кавказской девушки!

Да, я несколько лет жила и училась в Москве, но это не повод вешать на меня ярлык. А с другой стороны, если скажу, что у меня было много мужчин, отменит ли он брак?

Нет, Алия.

Это приведет к катастрофе куда больше, чем расторжение брака.

– Молчишь. Значит, сам всё узнаю.

Саид легко толкает меня, а я не удержавшись на ногах, оказываюсь спиной на кровати. Пробую отползти, но тяжелое платье сковывает движения, тормозит меня.

Саид нависает сверху. Его руки хватают меня за талию, сжимают корсет, не осознавая, какую боль причиняют. Тянут вниз, подминают.

Он разглядывает меня под собой. По глазам вижу, что доволен. Так смотрит охотник, наконец дорвавшийся до желанной цели.

Саид перемещает одну руку с моей талии к груди и, прежде чем я успеваю подумать, с такой силой бесцеремонно рвёт лиф платья, что нежная ткань без труда поддается.

– Что ты делаешь?! – кричу я, прикрывая оголившуюся грудь руками.

Но он не слушает меня.

Срывает рукава с плеч, с треском уничтожает корсет, пока я, задыхаясь от слёз, пытаюсь защитить своё последнее достоинство.

Глава 1

Белоснежная ткань падает лоскутами куда-то на пол.

Саид тяжело дышит, его потемневший взгляд на миг встречается с моим испуганным, и спускается к моей груди, едва скрытой кружевами белья.

Перестаю дышать. Хочу закрыть глаза, чтобы не видеть его похотливого взгляда, но не сдаюсь. Не позволю ему увидеть мою слабость.

Когда его горячая ладонь ложится на мой живот, с губ слетает вздох. Контраст наших тел будоражит меня: его большая смуглая ладонь на моей бледной коже.

Пальцы Саида игриво скользят вдоль белья, намекая на то, что может произойти дальше. Я проклинаю себя за то, что надела это кружевное бельё невесты. Лучше бы пришла в чём-то уродливом, чтобы у него не возникло ни малейшего желания. Но мама настояла...

Нет, я не переживу эту ночь. Лучше умереть, чем позволить ему подавить меня.

Слёзы все-таки прорываются и текут по щекам, несмотря на все попытки их сдержать. Мой всхлип привлекает его внимание. Саид отрывается от моих бёдер, ставит руки по обе стороны от моей головы, опускается так низко, втираясь в меня, что я чувствую... его твёрдость.

Он смотрит мне в глаза, не моргая. Я же сгораю от стыда,

не зная, куда деться. Никто никогда не видел меня обнажённой. И уж точно я не хотела, чтобы первый раз произошёл с человеком, который меня принуждает.

– Сегодня я не буду тебя трогать, *сероглазка*. Я не монстр. Понимаю, что ты устала от всего, что произошло, – он грубо хватает меня за щёки, заставляя смотреть, как в темных глазах сверкают молнии. – Но только сегодня. С завтрашнего дня мы закрепим этот брак в постели! Ты будешь подомной, пока я не утолю свой трёхлетний голод. А в прочем, не думаю, что мне когда-либо надоест. Так что, выход только один, моя Алия. Смириться и покорно принять меня.

Глава 2

События до пролога

С возвращением на Родину после учёбы в Москве каждый мой день начинается одинаково.

Наравне с остальными обитателями дома я встаю в семь утра, умываюсь и иду на кухню, чтобы помочь с завтраком. Я обожаю готовить завтраки для нашей семьи. Для меня первый прием пищи имеет свою волшебную атмосферу, когда, пропуская свежий воздух, еще не нагретый солнцем, сквозь открытые двери и окна, нарезаешь овощи и чувствуешь запах свежееиспеченного хлеба.

После завтрака я обычно иду кормить домашний скот и птиц. Здесь я часами могу смотреть на то, как милые цыплята клювами тянутся к пшеничным зёрнышкам. За что конечно получаю от мамы. Она не любит, когда кто-то долго возится с одним делом.

Мой отец разбогател на собственной ферме. С малых лет он держит крупнорогатый скот на отдельном участке, а домашняя птица у нас водится здесь на заднем дворе.

Мама, не смотря, на деньги и репутацию в обществе никогда не воротила носом, наоборот, встаёт рядом с отцом и помогает ему.

Трудно сегодня увидеть, чтобы женщина, до кончиков пальцев увешенная золотом, убиралась в хлеве или разделя-

вала курицу.

В целом, жизнь каждого из нас расписана по часам, но иногда мои планы меняются. Например, как сегодня.

Встав на полчаса раньше, я переоделась в просторную футболку и специальные брюки, которые плотно сидят на бёдрах. Забежала в конюшню.

Изумруд, как всегда, рад меня видеть и знает, что если я пришла утром, то громко фыркать не стоит.

– Ты ж мой хороший, – протягиваю один за другим кусочки яблока, который я стащила на кухне еще вчера во время ужина.

Зная как Изумруд любит ласку, нежно поглаживаю по шее, расчесываю короткую гриву. Не помню почему я решила дать ему именно это имя, но арабский скакун с черной как ночь блестящей шерстью заставил меня подумать о чем-то драгоценном как этот камень.

– А теперь мы тихонько выйдем за ворота, хорошо?

Я имею привычку разговаривать с животными. Мне кажется, они понимают нас, даже если не могут говорить в ответ.

Выведя лошадь на улицу и слегка прикрыв за нами ворота, я умело седлаю Изумруда и даю команду. Холодный ветер тут же освежил мое лицо, заставляя слегка прищурить глаза. Тонкая футболка не совсем подходит для подобных скачек, но другого выбора нет. Не могу же я надеть бриджи с жакетом и сапоги, как те девушки – любительницы конного спор-

та. Особенно мне нравятся сапоги до колен. Так нравятся, что будь они у меня, я бы могла их носить даже под платьем.

Наше родовое село расположено на самой верхушке горы, поэтому прогулка с Изумрудом обычно заканчивается возле обрыва. Оттуда дороги разветвляются: одна ведёт в город, другая дальше в сёла чуть ниже.

Я люблю смотреть на чистое небо с восходящим солнцем и даю себе пару минут на размышления о своей дальнейшей жизни.

Я счастлива просыпаться в своей детской комнате, за которую изначально со мной состязалась младшая сестра Дамира, но вскоре она вышла замуж и спор решился сам собой. А комнату я обставила по своему вкусу. Благо хотя бы это мне дозволено делать.

Отец очень строг к нам.

Нас всего трое: старший брат Нияз, я, и сестрёнка Дамира.

Когда она выходила замуж, мама негодовала, что некрасиво, когда младшая обгоняет старшую. Но мне вообще всё равно. Она ещё не знает, что прожив светскую жизнь в столице, где я жила у дяди во время учёбы, замуж я не собираюсь. Не скоро, в любом случае.

Я едва успеваю перевести дух, наслаждаясь прохладой и простором, как вдруг Изумруд резко замирает. Ветер, только что ласкавший лицо, стал колким, словно предчувствуя беду. Мои пальцы инстинктивно вцепились в поводья, сердце пропустило удар.

– Тихо, мальчик, тихо, – прошептала я, глядя его по взмокшей шее. Но он не слушал: уши прижаты к голове, ноздри раздуваются, из горла рвётся сдавленный храп.

Я проследила за его взглядом увидела у самой тропы, под кустом цветущего шиповника, змею. Небольшая, серо-бурая, но её голова приподнята, и язык трепетал в воздухе, будто пробуя мой страх на вкус.

– О, Господи...

Это слово вырвалось вместе с выдохом. В ту же секунду Изумруд взвился на дыбы. Его паническое ржание разорвало утреннюю тишину.

– Изумруд! Стой! – кричу я, вцепляясь в гриву.

Но он уже несётся, брыкаясь и мотая головой. Мир превратился в мелькание: зелёные пятна кустов, синее небо, чёрная грива, мечущаяся перед глазами.

Я попыталась вжаться в седло, вцепиться в луку, но седло предательски скользнуло вбок. Мои ноги теряют опору в стременах, воздух со свистом вырывается из лёгких, когда я на миг повисла, держась лишь за гриву.

– Нет! – мой крик потонул в грохоте копыт.

В следующий миг мир переворачивается: я вываливаюсь из седла, лечу вниз...

Мысли о последующей боли догоняют меня, я даже успела подумать о маме, о том, что она скажет, когда найдёт меня с переломанной шеей.

Но удара не последовало.

Что-то твёрдое, но живое подхватило меня в тот самый миг, когда моё плечо почти коснулось земли. Чьи-то руки обхватили меня за талию и прижали к груди.

Мы покатались по траве вместе: я чувствовала, как его тело гасит инерцию моего падения, как его плечо принимает удар о землю, чтобы уберечь меня.

Вдруг все затихает.

Открыв глаза, я понимаю, что лежу на мужчине, который всё ещё удерживает одной рукой мой затылок, а другой поясницу.

Медленно поднимаю голову. Сначала вижу подбородок с бородой, затем сжатые губы, и, наконец, глаза. Чёрные, как угли, в которых я с удивлением увидела не привычную насмешку, а живую, настоящую тревогу.

– С-Саид? – выдыхаю я, пытаюсь отдышаться.

Глава 3

– Ты цела? – раздаётся снизу его низкий, и на удивление, спокойный голос.

Но я чувствую, как напряжены его мышцы.

Я киваю, но тело ещё дрожит. Оглядываюсь: Изумруд в паре метров от нас, нервно топчется, всхрапывает.

Спешу встать, но не могу. Его рука на моей пояснице не дает сдвинуться. Наши тела прижаты друг к другу, и я с ужасом понимаю, что чувствую жар его кожи даже через футболку.

Я вспоминаю тот день три года назад – как смотрела на него свысока. Глупая, самонадеянная девчонка. Три года я избегала его, пряталась за столичной жизнью, за учёбой, за чужими улыбками. Тогда я думала, что Москва изменит меня, что я достойна большего. А получила лишь боль от предательства и пустоту.

И теперь, лежа в объятиях того, кому отказала, я чувствую, что мир сузился до его дыхания, до биения его сердца и моего собственного, сошедшего с ума.

– Отпусти меня, – выдыхаю я и пытаюсь отстраниться, упираясь руками ему в грудь.

– Не спеши, – усмехается он. – Ты только что чуть не разбилась. Дай себе минуту.

Даже возразить не могу.

Сердце Саида под моей ладонью бьется тяжело.

Из-за меня.

Эта мысль пугает меня больше, чем падение.

Наконец осмеливаюсь разглядеть его.

Саид изменился. Нет, не внешне. Там всё те же резкие черты, тёмные брови вразлёт, упрямый подбородок с ухоженной короткой бородой.

Но что-то есть в этих глазах...

Раньше в них горело желание, озорство, а теперь – спокойная, почти хищная уверенность. Волосы, чуть отросшие, падают на лоб. Из одежды: деловой костюм, только уже испачканный в пыли.

Он смотрит на меня, и мне кажется, что он знает. Знает, как бешено стучит моё сердце, как горят щёки, как я пытаюсь скрыть, что его близость выбивает меня из равновесия.

– Спасибо. Если бы не ты... – шепчу, пытаюсь собраться с мыслями.

– Просто повезло, – отвечает он, но в уголках губ мелькает та самая усмешка, от которой у меня когда-то закипала кровь. От злости, разумеется. – Или судьба. Как думаешь?

Он ничего не забыл. Конечно, не забыл. Такие слова не забываются.

А теперь я здесь, в его руках, и понимаю, что ничего не изменилось – он всё ещё смотрит на меня так, как смотрел тогда. Как на свою добычу. Как просто... на свою.

Саид взглядом скользит по моему лицу, останавливаясь

на губах.

– Ты осталась прежней. Такой же красивой. Такой же упрямой. Такой же... – он замолкает, и я вижу, как его челюсти сжимаются. – Чужой.

Он резко отпускает меня, и холодный воздух касается моего тела там, где только что было его тепло. Я поспешно встаю, отхожу на шаг, пытаюсь привести дыхание в порядок. Мои руки всё ещё дрожат, и я прячу их за спину, чтобы он не заметил.

Саид поднимается следом за мной, и я замечаю, как его взгляд медленно, почти изучающе, скользит по моей фигуре. По короткой футболке, которая едва прикрывает бёдра. По узким брюкам, обтягивающим ноги. По моим растрёпанным волосам.

Где-то ржёт Изумруд, но для меня существует только его взгляд: тяжёлый, изучающий, будто он рисует меня заново, по линиям лица, по дрогнувшим ресницам, по сжатым губам.

Я хочу сказать что-то резкое, колкое как раньше, но не могу. Его пальцы сжимаются вокруг моего запястья крепко, почти до боли, и я невольно всхлипываю.

В глазах Саида загорается что-то тёмное, опасное. Я невольно делаю шаг назад.

– Что это на тебе? – голос звучит хрипло, и я понимаю: он не просто раздражён. Он в ярости. Настоящей, звериной ярости, которую он с трудом сдерживает.

– Это... удобно, – бормочу я, пытаюсь натянуть футболку вниз. Бесполезно. Ткань едва доходит до середины бёдер, и я чувствую себя голой под его прожигающим взглядом.

– Удобно? – он делает шаг вперёд, и я вжимаюсь спиной в кору дерева. – Удобно, чтобы на тебя пялились все мужики в селе? Чтобы они видели твои ноги, твою кожу, твои... – он замолкает, сглатывает, и его кадык дёргается. – Ты дочь уважаемого рода, Алия. Или ты забыла об этом в своей Москве?

Знаю, что так нельзя ходить, потому и выскочила с первыми петухами. Кто ж знал, что мне встретится Булатов? И вообще, куда он едет в такую рань? На работу?

Его взгляд снова скользит по мне, и теперь в нём не только гнев – там что-то ещё жадное, собственническое. Всё то, от чего я столько лет убегала. Он будто пытается запомнить каждую линию моего тела, каждую складку одежды, которая так мало скрывает.

– В столице все так ходят, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Это нормально.

– Здесь не столица, – отрезает он. – Здесь люди смотрят на тебя и видят не городскую модницу, а дочь уважаемого рода. Ты позоришь семью.

Я резко втягиваю воздух. Слова бьют сильнее, чем он, наверное, думает. Потому что где-то глубоко я знаю: он прав. Но признавать это невыносимо.

– А тебе какое дело? – выпаливаю, поднимая злой взгляд. – Ты не мой брат. Не мой отец. Кто ты такой, чтобы судить?

На секунду в его глазах мелькает что-то похожее на вызов, но тут же гаснет, сменяясь ещё большей жёсткостью. Он наклоняется ближе, так, что я чувствую тепло его дыхания на своей коже.

– Я тот, кто видел тебя настоящей. До всех этих... нарядов. До гордости. До высокомерия. И знаешь что? – его голос становится тише. – Та Алиа мне нравилась больше.

Сердце замирает.

Я хочу ответить, найти колкое слово, чтобы защититься, но не могу. Потому что в его взгляде нет ни насмешки, ни злорадства. Там жестокая, беспощадная правда, которую я сама от себя прятала.

– Ты думаешь, мне нужно право, Алиа? – его голос становится тихим, вкрадчивым – таким, от которого по спине бегут мурашки. – Если я решу, что ты не выйдешь из дома в таком виде, – он замолкает, и я слышу, как его дыхание становится глубже, – ты не выйдешь. Потому что я не позволю. Даже если для этого мне придётся стоять у твоих ворот каждый день.

Смотрю в его чёрные, горячие, безумные глаза и понимаю, что Саид действительно способен на всё, лишь бы никто не смотрел на меня так, как он смотрит сейчас.

Он отстраняется так же резко, как и приблизился, закрывает глаза на секунду, словно собираясь с силами. Когда он открывает их, его лицо становится спокойным – слишком спокойным, будто он только что выключил в себе бурю.

Он делает глубокий вдох, затем медленный выдох, и поворачивается к Изумруд, который всё ещё нервно топчется в нескольких метрах от нас. Лошадь косит глазом на куст, где скрылась змея, и её ноздри раздуваются от страха.

– Тихо, дружище, – голос Саида неожиданно мягкий, почти ласковый. – Всё уже хорошо. Не бойся.

Он идёт к лошади медленными, размеренными шагами, поднимая руки ладонями вверх, чтобы показать, что он не опасен. Его голос звучит ровно, почти напевно, и я смотрю на него в изумлении. Только что он был монстром, готовым растерзать меня за неправильную одежду, а теперь он говорит с моим скакуном, как с ребёнком, успокаивая его одной только интонацией.

– Ты же сильный мальчик, – продолжает он, подходя ближе. – Ты смелый. Но сейчас нечего бояться. Смотри, – он указывает на куст, где была змея. – Её уже нет. Всё спокойно.

Изумруд дёргает головой, но не отступает. Булатов приближается ещё на шаг, не спеша, без резких движений. Он не пытается схватить поводья, просто стоит рядом, позволяя животному привыкнуть к его присутствию.

Изумруд дрожит, но не отступает. Саид медленно протягивает руку к его шее – туда, где бьётся жилка, где чувствуется жар и напряжение. Лёгкое прикосновение, и лошадь вздрагивает, но не отстраняется. Он гладит её, неспешно, с ритмом, который будто вторит дыханию животного.

– Вот так. Ты молодец, – его пальцы ласково скользят

по гриве, по плечу, и постепенно Изумруд начинает успокаиваться. Голова опускается, ноздри перестают раздуваться, тело расслабляется.

Я стою, прижавшись спиной к дереву, и чувствую, как внутри поднимается странная, болезненная волна. Мне страшно, что этот человек – с его яростью и нежностью, с его угрозами и заботой – способен управлять моим сердцем так же легко, как он управляет моим конём. Мне страшно, что я начинаю это понимать.

Саид поворачивается ко мне, и в его глазах уже нет прежнего огня. Только усталая, почти грустная усмешка.

– Видишь? – он кивает на Изумруда. – Он просто испугался. Как и ты. Но я умею успокаивать тех, кто боится.

Я молчу, не зная, что ответить. Его слова висят в воздухе, как предупреждение или обещание.

Саид берёт поводья и ведёт лошадь к тропе, откуда мы приехали. Он не оборачивается, но его голос доносится до меня чётко и холодно:

– Садись и поезжай домой. Пока отец не увидел, в чём ты вырядилась, – он делает паузу, и я слышу, как его голос становится жёстче. – И в следующий раз, Алия... выбери достойную одежду. Чтоб я больше не видел этой... облипки.

Я смотрю, как он садится в свою машину, как заводит двигатель, как смотрит на меня в зеркало заднего вида, прежде чем уехать. Его взгляд краткий, но острый – говорит мне всё, что он не сказал словами.

Я подхожу к Изумруду и медленно, дрожащими руками, забираюсь в седло. Лошадь фыркает, но слушается. Я отпускаю поводья, позволяя ей выбрать дорогу домой, и думаю о том, что только что произошло.

Булатов спас меня. Успокоил моего коня. Он смотрел на меня так, будто я – единственный остров в его бушующем море.

Я злюсь на него. Ненавижу его за эту грубость, за эту собственническую наглость, за то, что он смеет указывать мне, что носить и как жить, не имея на это никакого права. Но почему-то мои руки, сжимающие поводья, всё ещё дрожат не от страха. А от того, что в его глазах я видела не просто ярость и собственничество. Я видела страх. Он боялся за меня. Он испугался, что я упаду и разобьюсь.

И от этого понимания мне становится ещё страшнее.

Глава 4

Саид

Я ехал в город на работу. Снова бесконечные встречи, отчёты, дела. Утро выдалось серым, но не хмурым: солнце пробивалось сквозь облака, а воздух пах свежестью после ночного дождя. Я уже свернул на просёлок, как вдруг заметил всадницу вдали.

Сначала просто силуэт: стройная фигура в седле, ветер треплет светлые волосы. Потом лошадь вскинула голову, заржала и я резко сбавил скорость. Пригляделся.

Алия.

Хмыкаю.

Моя строптивая коза. Вернулась из своей Москвы, будто и не было трёх лет разлуки. Будто не она бросила мне в лицо: «Ты слишком прост для моих планов».

Я остановил машину у обочины, вышел. Она меня ещё не видела, сосредоточенно успокаивая лошадь, шептала что-то, натягивая поводья. Я шагнул ближе, и вдруг, Изумруд взвился на дыбы.

Я рванул вперёд, не думая, не считая шагов.

Она падала, но я успел поймать.

Моё тело сработало раньше разума: руки обхватили её, прижали к себе, и мы покатались по траве. Я инстинктивно прикрыл её собой, чувствуя, как колотится сердце от её бли-

зости и страха за маленькое тело.

Глупышка! Сколько раз её отец ругал за подобные гулянки? Может, когда переломает себе всё, тогда и успокоится?

Когда всё замерло, я увидел её лицо в сантиметрах от моего. Красивые серые глаза широко раскрыты, нежные губы с персиковым оттенком чуть дрожат.

– С-Саид? – выдохнула она.

Я едва сдержал улыбку. Всё та же. Гордая, испуганная, прекрасная.

Но стоило мне опустить взгляд ниже, как внутри вскипела злость – смешанная с чем-то тёмным, жадным.

Что это на ней?

Короткая футболка едва прикрывает... округлую задницу. Узкие брюки обтягивают бёдра, подчёркивают стройные ноги. Я невольно сжал пальцы на её руке. Вzbесился.

Кто ещё видел её такой? Кто ещё смотрел на эти линии, на эту кожу, на этот изгиб?

– Что это ты надела на себя, Алия? – голос звучит жёстче, чем я хотел бы, но я не могу иначе.

Она пытается прикрыться, вытянуть футболку вниз. Бесполезно. Я вижу всё. Чувствую всё.

Внутри клокочет: «Сними это. Надень то, что скроет тебя от чужих глаз. Только я могу смотреть». Где-то глубоко я понимаю: дело не в приличиях. Дело в том, что я не хочу, чтобы другие видели. Чтобы другие желали. Чтобы другие осмелились взглянуть.

Но я молчу. И продолжаю разглядывать: жадно, почти непристойно. Её смущение, её гнев, её растерянность. Всё это – моё.

Хотя она никогда не признает.

Потом я успокаиваю Изумруда. Лошадь дрожит, но поддаётся моему голосу, моим рукам. Я знаю, как говорить с теми, кто боится. Знаю, как внушать доверие.

И вдруг понимаю: Алия такая же. Боится. Не змеи. Меня. Себя.

Я сажусь в машину, смотрю, как она направляется к домам такая лёгкая, стройная, непокорная. Хочу развернуть машину, догнать, но вместо этого жму на газ.

Когда я почти выехал из округа, мне позвонили из дома.

– Саид, – голос матери дрожит. – Зулихан... Зулихан пропала.

Мир на секунду останавливается.

Зулихан – моя младшая сестра. Единственная дочь и человек, ради которого я готов бросить всё.

– Где её видели в последний раз? – спрашиваю, уже разворачивая машину.

– Так... ночью. Захожу к ней на учёбу будить, а её нет... Она так никогда не делала, понимаешь?

Я жму на педаль. Алия, её глаза, её фигура – всё стирается из головы. Сейчас есть только одна цель: найти сестру. Пока не стало слишком поздно.

Глава 5

Мой день обычно быстро заканчивался за домашними хлопотами и несмотря на то, что свободного времени у меня бывало меньше, я проводила его с пользой. Читать я научилась в пять лет, поэтому мой комод забит книгами, а не одеждой с безделушками. Впрочем, и то и другое у меня всегда в достатке. Мама считает, что двух-трех платьев хватит на сезон, а про книги я вообще молчу. В Москве не приходилось прятать от неё покупки через маркетплейсы, а здесь всё на виду.

И вообще, не понимаю я такого расклада, когда ребёнка отправляют в другой мир учиться и заставляют потом возвращаться. Что мне здесь делать? Кому тут нужен мой диплом маркетолога?

С тоской возвращаюсь обратно домой. Мама не очень одобряет мои подобные вылазки. Конный спорт считает чисто мужским делом. А чем тут ещё заняться? Ни бассейна, ни спортзала, ни-че-го.

И машину мне не разрешают водить. Вон у дяди дочка покрытая с ног до головы, а гоняет как Шумахер в столице.

Завожу лошадь в конюшню, даю немного воды, на улице летняя жара. Мой мечтательный взгляд застрял где-то между полом и ведерком в руках, как с улицы раздаётся гневное:

– Алия!

Нырять в реальность, услышав голос отца.

Выхожу на передний двор и прежде чем понять, что мне окончательно крышка, я увидела в отцовских руках свою самодельную рогатку.

– Алия!

В этом доме почему-то все неприятности всегда происходят со мной. Брат Нияз всерьёз называет меня ходячей катастрофой. А ещё я поняла, что не успела переодеться. Отец увидит сейчас меня в брюках и таких люлей даст, мало не покажется. У него хороший нюх, вдруг ещё узнает, что я каталась на Изумруде, вообще голову оторвёт.

Уже подходя ближе, я собираю распущенные волосы в хвост и перед отцом предстала как положено. Ну, почти.

Моего отца зовут Ахмед. Но в нашей культуре никто не зовет родителей по именам. Особенно младшие.

Он стоит посреди двора, зажимая в руках мою рогатку, и сверля меня тяжелым строгим взглядом. Мне резко стало холодно: то ли из-за ветра, то ли от волнения. Отец уже одет в свою простую рабочую одежду. Это означает, что он тоже встал чуть пораньше.

– Ты снова бросалась камнями в сыновей Тахира! – грозный голос эхом разлетелся по стенам дома. Я сразу поняла в чем дело. Сорванцы!

– Они хотели подкинуть змею, когда я каталась на Изумруде, – мой голос пропитан мольбой, в надежде, что родитель меня поймет. – Отец, ты же знаешь, что, если напу-

гать лошадь, она опасна. Я всего лишь защищалась от этих несносных..., – со стороны послышался легкий кашель. Это мама, появившаяся из ниоткуда, взглядом велит мне замолчать.

Каждый раз стоит отцу отчитать меня, как старший брат считает своим долгом добавить мне двойную взбучку.

– Я не собираюсь выяснять кто виноват, а кто нет.

Отец снова подал голос и мне пришлось оторвать свой взгляд от матери. Та устало покачала головой. Знаю, мне не стоило так себя вести.

– Тебя разве не учили тому, как следует себя вести с мужским полом? Почему ты заставляешь меня краснеть перед соседом, которого я знаю уже тучу лет! – отец начинает повышать голос и надвигаться на меня, махая перед лицом рогаткой. Всё-таки, этого члена семьи я боюсь больше остальных.

– Я не хотела проявить неуважение...но я была вынуждена защищаться...

Не знаю, чего я пыталась достичь своими оправданиями. Я искренне надеялась избежать конфликта. Не хочу, чтобы отец ругал меня или хуже того наказывал. Если его терпение лопнет, он на всё способен.

– Алия! – даже мама вздрогнула от голоса своего мужа. – Я знаю, что ты и сегодня без спроса взяла лошадь и каталась на ней.

– Отец...

– Я не позволю, чтобы из-за какой-то мерзавки очерняли моё имя. Сколько раз я предупреждал тебя? Сколько раз твоя мать просила тебя оставить детские забавы? Больше никаких конных прогулок. Ни утром, ни вечером. Нога твоя за эти ворота не выйдет! Замуж пора!

– Пожалуйста, не запрещай мне кататься на Изумруде, – в слезах я схватила собравшегося уходить отца за руку. – Умоляю.

Изумруд был моей единственной радостью, моим другом. И сейчас его у меня отбирают.

– Позволь мне кататься по утрам. Я буду аккуратно себя вести, – я кричу вслед отцу, так как он даже выслушать меня не захотел. Нет-нет! Не уходи вот так. – Папа, пожалуйста...

Я побежала к лестнице, чтобы догнать родителя. Может быть, он проявит милосердие. Хотя бы один раз.

В глазах всё размазалось из-за слез: вижу лишь удаляющуюся мужскую спину и неожиданно чей-то силуэт встаёт передо мной. Шмыгнула носом, наивно полагая, что мама вступится за меня, но она всегда на стороне своего мужа.

Мне только сильнее захотелось плакать.

– Мама..., – я посмотрела на черноволосую, невысокого роста женщину, но даже она покачала головой и ушла на кухню, что располагалась тут во дворе, во встроенной комнате.

Я хочу побыть наедине. Выплеснуть обиду, которая комом засела в груди.

В своей комнате я могла вдоволь выплакаться, не боясь,

что меня кто-то может услышать. Эти четыре стены были моей крепостью в самые худшие дни.

За все годы, что я живу в доме Ахмеда, ни один член семьи никогда не напоминал мне о моём прошлом. Я знала, что меня не обязаны любить и никогда не просила их любви. То, что эти люди стали мне семьей, уже было подарком судьбы, потому что своей у меня давно нет.

Мне было около четырех лет, когда отец нашел меня среди развалин. Я не помню что случилось. Не помню лиц своих настоящих родителей. Не помню свою прошлую жизнь. Возможно, наш дом сгорел, возможно, война... или случилось еще что-то. Знаю только то, что из-за стресса я была замкнутым ребёнком. С одной стороны, я считаю это к лучшему. Помни я про своих родителей, мне было бы намного тяжелее оплакивать тех, кого уже не вернуть. А с другой... Я думаю какой бы моя жизнь могла быть, если бы они были живы.

Наверное, у этой истории был бы другой конец. Но я благодарна за всё, что для меня сделал папа Ахмед. Вырастил и любит как своего ребёнка.

Оставшись одна, я заканчиваю завтрак и иду на задний двор.

Высыпая корм птицам, я еще прокручивала в голове слова отца: «Замуж пора». Эти слова никак не хотели покидать мою голову. Надеюсь, отец сказал так в порыве гнева. Я не хочу замуж. Более того, я даже не знаю за кого пойду. Ни один здешний мужчина не подходит под мой идеал будущего

го мужа. Я не хочу сидеть дома, рожать детей и просто заниматься бытом.

Но видимо у судьбы были другие планы на это утро.

Я вышла во двор с веником в руках, чтобы подмести, как увидела у ворот брата Нияза... Который держится за руку с какой-то незнакомой мне девушкой.

– Отец! – крикнул он.

Прежде чем остальные собрались во дворе, я поняла, что натворил Нияз.

Глава 6

Отец, как и положено главе рода, спускается первым. За ним мать, а следом во дворе застыла и я.

Мы трое устремили шокированные глаза на сплетённые руки Нияза и незнакомки. Это так порочно – стоять перед родителями вот так... Прикосновения к противоположному полу запрещены до свадьбы, и, если Нияз привёл в дом эту девушку, это означает только одно: он выбрал её в качестве своей жены.

Тишина давит, словно каменный свод. В ушах стучит так громко, что я едва различаю шёпот матери рядом. Она стоит прямо, но я заметила, как дрогнули её пальцы, сжимая край платка. Отец не шевелится – лишь взгляд, тяжёлый и немигающий, скользит по лицам виновников этого дерзкого поступка.

Нияз не опустил глаз. Его рука по-прежнему крепко держит ладонь девушки, будто он заранее готовился выдержать любой шквал. Сама же незнакомка... Она не прячется за его плечом, не пытается съёжиться под нашим осуждающим взором. Напротив, она стоит ровно, с достоинством, хотя я вижу её смущение.

– Ты осознаёшь, что натворил? – голос отца прорвал тишину.

Нияз выпрямился ещё сильнее.

– Осознаю. Но я не стыжусь своего выбора. Она станет моей женой. Мы оба хотим этого.

Мать тихо вздохнула, а внутри меня всё сжалось: такого ещё не бывало в нашей семье. Никто не объявлял о намерении жениться без предварительного согласования, без ритуала смотрин, без благословения старших. Это ... немыслимо.

Девушка наконец подала голос – тихо, но чётко:

– Я готова пройти все испытания, чтобы стать частью вашего рода.

Её слова звонко повисли в воздухе. Я вгляделась в её лицо: тонкие черты, тёмные глаза, упрямый изгиб губ. Она не выглядит испуганной, скорее решительной. И это пугает ещё больше.

Отец медленно шагнул вперёд.

– Испытания? Ты думаешь, дело лишь в обрядах? Ты поставила под удар честь семьи одним своим присутствием здесь. Твой отец отказал мне, когда я просил твоей руки для своего сына.

Нияз сделал едва заметное движение, словно хотел заслонить её собой.

– Она не виновата. Я привёл её. Я отвечаю за это.

Походу, я одна тут ничего не понимаю, поэтому тихо спрашиваю у матери:

– Кто она, мама? Откуда?

Она глубоко вдыхает, будто набираясь сил.

– Она из рода Булатовых... Саида помнишь? Его сестра.

Эти слова ударили меня холодком. Булатовы. Саид. Ситуация многократно усложняется.

Я поймала взгляд брата и поняла, что это не мимолетный порыв. Нияз не отступит. А она... она готова сражаться.

Отец скрестил руки на груди.

– Пойдём. Мы обсудим, как исправить содеянное. А пока – она не должна покидать женскую половину.

Нияз кивнул.

– Спасибо, отец.

Зулихан склонила голову, словно ей неловко, но это она только что стояла перед старшими за руку с человеком, который даже не стал ей мужем. Только сейчас до неё, кажется, дошло, что начинается настоящая жизнь со всеми её тяжкими правилами.

А я стою, не в состоянии сделать шаг и думаю: что будет с нами всеми теперь?

Чуть позже, когда брат всё рассказал отцу, (конечно, я подслушивала у двери) папа позвонил отцу девушки. Достопочтенному Имрану Булатову. Даже из-за закрытой двери я слышала крики из телефона. Никогда не пойму зачем идти против родителей. Ну, не хотел её отец выдавать дочь замуж за Нияза, так оставь. Зачем позорить свою семью, нас, сбегаая, взявшись за руки?

И Нияз хорош. Наверняка подстрекал девушку, он никогда не умел думать о последствиях даже в таком возрасте.

Разумеется, узнав, что Зулихан у нас, Булатовы ворвались

в дом, вражески настроенные. Сестру Саида я никогда не ви-
дела, но зато заочно знакома с его двумя братьями. И рука
одного из них опасно лежит на кобуре с пистолетом.

Мы с Саидом встречаемся глазами. Там на дне витает пер-
вобытная ярость. Полыхает необузданный огонь.

– Мы пришли за нашей сестрой и расплатой, – говорит он,
отрывая от меня колющий взгляд.

Глава 7

Во дворе стоит холодная тишина. Никто не осмеливается сдвинуться с места, потому что малейшее неправильное движение или слово будут расценены Булатовыми как угроза, вызов.

Однако, в сложившейся ситуации мой отец вынужден защищать своего ребенка.

– Имран, давайте пройдем в дом, поговорим с глазу на глаз.

– Мне не о чем говорить, Ахмед! Твой сын сошел сума, посягнув на самое святое! Моя дочь – моя честь! И честь своих братьев. Я не позволю кому-либо запятнать её.

– Но ведь... Ничего страшного не случилось. Послушай, мне неловко говорить откровенно в присутствии детей. Прошу, зайдите в дом.

– Сначала отдайте мою дочь, – стоит на своем Имран и мне кажется, его сыновья не шутят, когда тянутся к оружию.

Даже Саид. Враждебно смотрит на моего отца. И стоило выйти Ниязу на улицу, как он срывается с места, и нападает на моего брата с кулаками.

– Ты как посмел, подлец? Как посмел тронуть мою сестру? Удары следуют один за другим, пока мужчину не оттаскивает собственный отец.

– Саид, прекрати! Мы еще спросим с него, но пока мы

пришли за вашей сестрой.

Имран выжидающе смотрит на моего брата и тот говорит:
– Зулихан никуда не пойдет с вами.

Саид, едва успокоившийся, услышав дерзкое заявление, срывается и снова набрасывается кулаками.

– Довольно, – рывкает мой отец. – Дракой мы проблеме не решим. Повторю снова: зайдите в дом. Мы спокойно всё обсудим.

Их острые взгляды не смягчились, но Булатовы выполнили просьбу отца.

Нам, женщинам, велено не светиться, но мама не смотря на обстоятельства поставила чай. Зулихан, к слову, тоже с нами на кухне, однако мама решила вообще с ней не разговаривать.

Переговоры длились очень долго: в итоге нам пришлось готовить не только чай, но и обед. Не знаю о чём можно столько договариваться, но в общей сложности на разговоры у мужчин ушло около четырех часов. Братья Зулихан то выходили из гостиной, то заходили снова.

Когда же, сервируя для них стол, я уловила сменившуюся атмосферу, то поняла, что опасность миновала. Они смогли договориться.

Обед закончился, наши «гости» ушли, при этом мне совсем не понравился взгляд, которым меня окинул Сиид Булатов. Смотрел очень странно и неприлично долго, пока мужчины прощались. Время близится к вечеру, а папа всё

никак не выходит из гостиной, зато брат со своей невестой счастлив. Муллу для заключения никаха уже позвали.

– Алия, – раздалось вдруг на пороге кухни.

– Да, папа?

– Позови свою маму, зайдите в гостиную.

Я сразу насторожилась. Тон у отца был не только серьёзный, но и настороженный какой-то.

Мы с мамой зашли вместе. Садится никто не стал, и так все нервы на пределе.

– Вам неинтересно узнать какой ценой мы закрыли это дело?

– Мы ждем, что ты расскажешь, – отстраненно отвечает мама, скрестив пальцы перед собой в замочек.

– Я расскажу. Но, – папа поднимает указательный палец. – Это решение не подлежит обсуждению или осуждению, понятно?

– Конечно, муж мой. Только скажи, что всё в порядке. Что Булатовы не будут мстить, ведь их дочь сама сделала свой выбор.

– Имран разочаровался в своей дочери. Не так он её растил. Человек планировал выдать дочь за сына нефтяного магната, которому она приглянулась. Узнав об этом, Зулихан предложила нашему непутёвому сбежать.

– Столько проблем из-за несносной девчонки! Почему ты не вернул её отцу?

– Потому что они любят друг друга и... после того, как

они заявили, взявшись за руки, нельзя выдавать Зулихан за другого.

Любят друг друга? Этой причины значит достаточно?

– Хорошо, допустим, – не унимается мама, подозрительно косясь на моего отца. – Есть же еще что-то? Как ты их убедил?

Спина отца напрягается, он делает небольшой полуоборот и смотрит прямо в мои глаза.

– Я обещал им твою дочь.

Глава 8

Не поняла...

Дочь – это... Меня что ли? Кому? Булатовым?

Папа, ты совсем рехнулся?

Вот так мечутся мои мысли, пока я немигающим взглядом смотрю в глаза своему отцу.

– Ахмед, ты что такое говоришь? – у матери шок не меньше моего.

– Как есть говорю. Древний обычай. Раз мой сын украл из их дома невинную девушку, то должен заплатить тем же.

– Не крал он ее! Она сама с ним пришла! – взрывается мама.

– Не имеет значения. Факт свершился. Алия, – вздрагиваю, – Ты станешь женой Саида. Старшего сына Булатовых. Нет-нет-нет-нет.

Хочется сопротивляться вслух, но папа говорил, чтобы не смели оспаривать их решение. Но это же безумие!

– Это ты им предложил? Как ты мог, Ахмед, не посоветовавшись со мной? Она же наша дочь! – кричит на него мама.

– Старший сын так захотел. Ему как раз пора жениться. Саид – человек с характером. Крутится с серьезными людьми. Может, у нашей дочурки гонор поубавится?

– Ахмед, не надо так...

Но я уже выхожу. В ушах что-то гулкое, закрывает внеш-

ние звуки. Не помня себя, ухожу в свою комнату, забираюсь в кровать.

Девушка за девушку.

Древний обычай.

Все правильно. Но мне от этого решения нелегче. Кто-то угодно, только не Саид, потому что я поклялась тогда в прошлом, когда он решил сделать мне предложение.

«Никогда, Саид. Я никогда не стану твоей. Москва мне понравилась, я уже перешла на второй курс и не собираюсь возвращаться».

Всхлипываю. Какой дурой я была, раз так думала. Я ведь правда верила, что отец меня в столицу отправил за лучшими мечтами.

Булатов... Он же совсем не подходит мне. Неотесанный мужлан, который только и думает, как меня присвоить и вот судьба улыбнулась ему. Но клянусь всем, что во мне осталось: я не сдамся. Не позволю ему сломить себя. Если для того, чтобы не развязать войну, необходимо пожертвовать своим личным счастьем, что ж... так тому и быть. Но я обещаю испортить его и Саиду.

После ужина, на который я так и не спустилась, ко мне заходит мама. Она молча садится на край кровати и ласково гладит меня по волосам. Я опускаю глаза. Мне всегда становится так стыдно, когда мама не ругает даже, просто поясняет. В любом случае, я не хочу разочаровывать её.

Понимаю, что её коробит. Что говорить о чужих детях,

когда своих воспитывать нелегко? Она мой ангел-хранитель. Всем была непривычна маленькая Алия, вечно путавшаяся под ногами. Будучи ребенком, я пыталась быть тихой, не мешать никому. Мне казалось, если я рассержу кого-то, меня выбросят на улицу, и я снова останусь без семьи. Пускай меня и ругали, наказывали, я все же склонна считать, что ко мне не было несправедливости. За стеной моих слёз неизменно ждала её заботливая поддержка.

Многим девушкам здесь в селе запрещено выходить на улицу без взрослого. Про свидание я вообще молчу. Я счастливица, потому что отец не был настолько строг со мной. Если я успевала сделать все дела, то мне разрешалась прогулка до заката солнца, в силу того, что наше село небольшое, я и не могу уйти далеко.

Несмотря на запреты многие умудрялись тайком встречаться с возлюбленными. Например, Дамира частенько брала меня с собой, якобы на рынок, оставляя меня ждать у чьей-то прилавки, а сама уходила куда-то. Возвращалась быстро, и вся с улыбкой до ушей. Думаю, за своего любимого человека она и вышла замуж.

А что касается меня... то я всегда мечтала встретить человека со светским образованием. Не просто корочка с вуза, а мозги в голове. Мечтала о спокойной жизни, но теперь о ней можно забыть. Булатовы – большой род, и судя по мировоззрению Саида, консервативный.

Смогу ли я принять новую реальность?

Глава 9

Саид

На телефон матери пришло сообщение от Зулихан. Если коротко, то моя сестра решила выйти замуж, просто уйдя добровольно из дома.

Отец души в ней не чаял: все покупал, все дарил. Зули имела куда больше свободы, чем женщины в нашем роду. Единственная дочь, потому что.

И что она сделала?

Вышла замуж, как бесприданница.

Для отца ее выходка стала сильным ударом, потому что это прямое неуважение к собственной семье. Сбежать с мужчиной без согласия и благословения родителей, тайком – грязное пятно на репутации рода.

Поэтому мы с братьями собрались в дом Ахмеда Султанова – человека, чью дочь я жаждал взять в жены три года назад.

Теперь все усложняется. Меч вытащен из ножен. Перемирие невозможно.

Попадись мне, Зули, на глаза. Своими руками выпорю.

Чего ей не хватало? Вот чего?

Я рванул к своей машине, братья уже ждали меня снаружи. Мотор рычал, словно разделяя моё негодование. Дорога до дома Султановых заняла считанные минуты, село неболь-

шое, все находится рядом.

В голове крутились одни и те же вопросы: «Как она могла? Почему не поговорила с нами? С матерью?»

В доме Султановых проходят напряжённые переговоры между моим отцом и Ахмедом, который неустанно стоит на своём:

– По нашим обычаям, если девушка уходит по своей воле, она становится женой того, к кому пришла. Мой сын не похищал её. Они любят друг друга.

– Любовь? – перебил я, надменно усмехаясь. – Такой поступок – позор для рода. И за позор полагается расплата.

Отец кашлянул, давая знак держать себя в руках.

Мало того, что Зули не сообщила семье о своем намерении, так пошла против слова отца.

– Что вы хотите? – спросил Ахмед, почему-то глядя прямо на меня.

– Компенсацию. Не деньгами, разумеется. Честью.

Я чувствую напряжение братьев за спиной. Каждый готов ринуться в конфликт, если потребуется.

Эмин скуп на лишние движения, все делает с холодной решимостью. Мурад – младший, самый опасный и непредсказуемый из нас троих. Там, где я говорю, Эмин молчит и наблюдает, а Мурад ухмыляется, готовый превратить слова в сталь.

– Вы знаете наши обычаи, – продолжает Ахмед. – Если девушка уходит в дом жениха по своей воле, она становится

его женой. Мы не можем её вернуть.

Я сжал кулаки.

Гнев застрял где-то в горле.

Всё идет не так, как я планировал. Я ожидал, что Султановы испугаются, пойдут на уступки, но они твердо стоят на своем.

Такая стойкость заслуживает уважения, но речь идет о нашей репутации и о моей сестре.

Мой отец наконец вмешался:

– Мы не ищем ссор, Ахмед, но и не можем оставить случившееся без последствий. Позор требует искупления. Если не через кровь, то через другой договор.

Султанов растерялся.

Этот старый, уважаемый человек, глава рода, который всегда держал голову высоко, сейчас стоял перед нами, опустив плечи, и искал выход из той ямы, которую вырыл его сын.

Отец переглянулся со мной. Я знал этот взгляд. Он давал мне карт-бланш.

Ахмед по-прежнему молчал. Его глаза бегали по нашим лицам – от моего отца ко мне, к Эмину, к Мураду. Старик искал лазейку, но понимал: мы не уйдём с пустыми руками.

Внутри клокотала ярость.

Я смотрел на Ахмеда и думал о его дочери. О той, что три года назад посмела сказать мне в лицо: «Ты – не тот, кто мне нужен». А теперь её брат украл мою сестру. Мою кровь.

Но что я мог потребовать? Деньги? Землю? Скот? Это было бы мелко. Оскорбительно для нас обоих. Они бы откупилась, и позор остался бы с нами навсегда, как гнойная рана. Кровь?

Султанов был готов драться. Он скорее умер бы, чем отдал свою семью на поругание. Но его сын Нияз не защищал ни себя, ни отца. Просто ждал, что кто-то решит за него.

Я перевёл взгляд на братьев. Эмин стоял неподвижно, как скала. Его глаза ничего не выражали, но я знал: он готов сделать всё, что я скажу. Мурад, наоборот, наслаждался этим спектаклем. Для него это была игра. Для меня – реальность, в которой я должен был сохранить лицо.

И вдруг, когда тишина стала невыносимой, когда я уже почти скомандовал братьям готовиться к худшему, в моей голове что-то щёлкнуло.

Равносильное.

Отец сказал: «Если не через кровь, то через другой договор». Но нет никакого другого договора. В горах всё просто: либо кровь, либо... либо ты предлагаешь жертву, которая стоит не меньше.

Я стиснул зубы.

Жертва.

Кто может быть жертвой? Кто может заменить честь, которую мы потеряли?

И тут перед моими глазами всплыли светлые волосы, развевающиеся на ветру; серые глаза, смотрящие на меня с вы-

зовом и страхом одновременно. Алия.

Я хотел её и ненавидел за каждое «нет», за каждый взгляд, которым она проходила мимо меня, как будто я был пустым местом. За то, что она уехала и не оглянулась. За то, что я не мог забыть её даже тогда, когда вокруг было столько женщин.

Но ненависть – она ведь такое же пламя, как и любовь. И в этом пламени я видел только одно лицо. Только её.

Я вспомнил, как в прошлом году, на ярмарке в городе, случайно увидел её в толпе. Кто-то из парней попытался заговорить с ней. Я тогда чуть не прибил этого нахала, но сдержался. Потому что она не была моей. Она была свободна выбирать. И она выбрала не меня.

Но теперь у меня есть шанс. Не просить. А взять по праву. По обычаю. По той самой жестокой логике гор, которая уравнивает долг и наказание, позор и искупление.

Ахмед давно искал ей пару, но она отказывалась, будто ждала чего-то. Или кого-то. Глупая. Её никто не ждал, кроме меня. Только я ждал. И каждый день, когда я видел её в селе, я сходил с ума от мысли, что она может уйти в другой дом.

И вот теперь судьба давала мне карту. Единственную.

Я был сыном своего отца, я был Булатовым. Я не имел права прощать обиды, но я мог предложить сделку, которая устроит всех. Им – мир, мне – её.

Я знал, что Ахмед не откажется. Он слишком боится войны. Он слишком любит своих детей, чтобы рисковать ими.

И он слишком хорошо знает наш род.

– Я знаю, как вы можете искупить вину, – сказал я, глядя в глаза Султанову.

Он выдохнул. Ожил. В его взгляде промелькнула надежда.

– Говори, Саид. Если это поможет нам решить проблему без крови, я только за.

Мои губы сами собой растягиваются в победную ухмылку. Я знаю, что Ахмед не откажется. Он слишком боится войны, слишком любит своих детей, чтобы рисковать ими. И он слишком хорошо знает наш род.

– Я заберу твою дочь себе в жёны. Ей уже двадцать три. И Алию пристроите, и проблему сына решите.

По лицу мужчины прошел плохо скрываемый шок.

Да, а ты как думал?

Даже если моя сестра добровольно ушла из дома, я не прощу того, что Нияз привел её к себе домой без нашего разрешения как безродную беглянку.

– Сын, это мудрое решение, – поддерживает меня отец. – Так и сделаем, Ахмед. Мы заберем твою дочь к концу недели. Сыграем громкую свадьбу, чтобы всё село слышало, как Булатовы защитили свою честь. Если ты согласен, мы тут же пожмем руки в знак примирения, а если нет... сам понимаешь. Мои сыновья будут мстить.

Исход был ясен как день.

Я не смог сдержать довольного оскала, когда Ахмед Султанов молча протянул руку моему отцу, ставя точку в этом

вопросе.

Что ты там говорила, моя строптивая коза? Никогда не будешь моей?

Глава 10

Алия

Сроки ударили кулаком в солнечное сплетение.

Несколько дней, чтобы принять, что мою жизнь перекроили под чужую мерку. Всего-то несколько дней, чтобы смириться с жестоким будущим, в котором я стану собственностью Булатова.

Смотрю на свои руки, которые мелко дрожат. Хочется схватить что-нибудь хрупкое, швырнуть в стену, разбить вдребезги, как разбили мою свободу. Вместо этого я сижу в своей комнате, и смотрю в одну точку на стене. Где-то в глубине рвался наружу дикий крик, что мог бы переполошить всех соседей.

Я не согласна.

Но что значит моё «нет», когда на кону честь двух родов? Если я откажусь, Булатовы не остановятся. Они придут с оружием, и мой брат, и отец, и вся наша семья лягут костями за то, что я посмела перечить. Братья Саида работают в государственных структурах. Они не шутят. Я видела их глаза в тот день, когда они ворвались к нам.

А ещё я видела, как Саид смотрел на меня. Жадно. Торжествующе. Будто уже знал, что рано или поздно я окажусь в его власти. И вот – сбылось.

Нияз, мой глупый, безрассудный брат, натворил дел, а

расплачиваться мне. Он получил от Саида разбитые губы и синяки, и я подумала, как мало. Пусть бы ему ещё досталось. Но брат остался цел, а моя жизнь рухнула в пропасть, из которой, кажется, нет возврата.

Чтобы чем-то себя занять я начала раскладывать отглаженные вещи в шкафу. Я чуть не выронила стопку белья, когда на комодѣ зажужжал мой телефон. На экране высветилось имя подруги с нашей улицы. Камилла.

– Алло? Ками?

Сердце тут же согрелось от её бодрого, звонкого голоса.

– Привет, Алия! Как ты там? Совсем не отвечаешь в чате!

– Ой, ты не поверишь, как я рада, что ты позвонила! – выпалила я, откладывая в сторону вешалки. – У нас тут... – я запнулась, подбирая слово. – Ад.

– Я в курсе. Потому и звоню. Давай встретимся, есть о чём поговорить.

– Подожди... – я замерла, прижимая телефон сильнее к уху. – Ты разве не в городе?

– А вот и сюрприз! Я у тети Жаннеты. Жду тебя внизу, в магазине.

Я сбросила вызов и, не удержавшись, подпрыгнула на месте, едва не ударившись об дверцу шкафа.

Я влетела на кухню, где мать замешивала тесто. Мука белела на её смуглых руках, а в воздухе пахло дрожжами и тем домашним теплом, которое я так скоро потеряю.

– Мам, можно я на пять минут выбегу к Камилле? – я

выпала это, не дав ей и слова вставить. – Она приехала, ждёт у магазина. Очень надо!

Мать выпрямилась, вытерла руки о фартук и строго посмотрела на меня:

– Какой магазин, Алия? Уже темнеет. И отец скоро вернётся.

– Всего пять минут! – я сложила ладони в молитвенном жесте. – Честное слово, я быстро. Она же недалеко, я только туда и обратно. Ничего не случится.

Мать помедлила. В ее теплых карих глазах с одной стороны страх перед мужем, с другой – желание дать мне хотя бы каплю свободы, пока она ещё есть.

– Ладно, – выдохнула она. – Но чтобы через десять минут была здесь! Отец не должен узнать, что ты шаталась по вечерам. И...

– Поняла, поняла! – я чмокнула маму в щёку и вылетела за дверь.

Где-то в траве стрекотали кузнечики, а небо над горами уже начало лиловеть, наливаясь густыми, бархатными сумерками.

Дорога вилась вдоль склона, ухабистая, с выбоинами, о которые вечно все спотыкались. Имран Булатов обещал асфальт к весне.

Я почти бежала, мысленно прокручивая в голове предстоящий разговор с подругой и так погрузилась в мысли, что не заметила, как завернула за угол.

Приближающийся звук мотора, и резкий свет, бьющий в глаза.

Передо мной, перекрывая путь, медленно поднимается машина. Я прищурилась, всматриваясь: свет лобового стекла мягко очертил мужское лицо.

Это Саид, будь он неладен.

Его чёрные глаза, эти хищные и пристальные глаза, будто поглощают меня целиком, не оставляя ни тени сомнения: он заметил меня.

Булатов прижал машину к обочине, и я поспешила проскользнуть мимо, но не тут-то было. Водительская дверь открылась, и мужчина не спешно выходит из своей машины. Свет фар падает на его лицо, подчёркивая жёсткую линию скул, тень от бровей, неподвижный, пронизывающий взгляд, скользящий по мне.

После того, что было, я его видеть не желаю до свадьбы. И саму свадьбу не желаю, но кто меня спрашивает? Саид, говорят, сам придумал эту затею с обменом девушек. Будь у меня сейчас в руках камень, огрела бы его, может мозги на место встали бы.

– Куда это ты так торопишься на ночь глядя, Алия? – его голос ровный, но в нём таится угроза.

Я начала глубже дышать в попытке успокоиться, вернуть себе голос, черт возьми уверенность, потому что рядом с ним я превращаюсь в амёбу!

В сгущающихся сумерках его фигура кажется особенно

высокой и внушительной.

Я уверенно вскинула голову, стараясь скрыть испуг:

– Не твоё дело! – бросила я с той самой дерзостью, которую мать велела спрятать.

– Не моё? – Саид шагнул ближе, тень от его фигуры легла на пыльную дорогу, почти накрывая мою. – Ты забываешься, Алия, – произносит тихо, но в голосе звенит сталь. – Ты уже не просто девушка с нашего села. Ты – моя. Скоро станешь моей женой. И я не позволю тебе разгуливать по вечерам, будто у тебя нет ни чести, ни долга.

Я дёрнулась, будто от удара, в груди закипает горячая, острая злость, как укол иглы.

– Твоя? С чего ты взял? Свадьба ещё не состоялась. Ты не имеешь права диктовать мне, куда ходить и что делать!

Саид усмехнулся словно я сказала суший бред.

– Думаешь, это игра? Слова наших отцов уже сказаны. Договор есть. Ты знаешь это не хуже меня. Так что твои прогулки под луной – это не просто шалость. Это пятно на моём имени и на имени твоей семьи.

Кровь моментально прилила к щекам. Он обвиняет меня, хотя я ещё ничего дурного не сделала. Но Булатов – мой будущий потенциальный муж. Им никогда не нравилось, когда женщина самовольничала.

– Я не твоя вещь, Саид.

– Не вещь, – согласился он, не отводя от меня тягучего взгляда. – Но и не свободная птица. Не теперь. И если ты

действительно заботаешься о своей семье, ты не будешь испытывать моё терпение.

Между нами висит тяжёлая тишина, пропитанная невысказанными словами и давними обидами. Я сжимаю в руке телефон, пытаюсь найти в себе силы для нового спора, но понимаю, Булатов не отступит.

– Я иду в магазин, – скрипя зубы призналась я.

Мерзко на душе. Как будто отчитываюсь перед ним.

Он просто смотрит, прощупывая каждую трещину в моей броне, каждую тень на моем лице. Потом медленно обводит взглядом дорогу позади меня, затем снова уставляется на мое лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.